

Научная статья
УДК 343.985.7:343.81(470)

**О ПРЕДМЕРЕ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА
И ЕГО ОСОБЕННОСТЯХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Александр Владимирович Акчурин
Академия ФСИН России, Рязань, Россия, 79206310258@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать современные научные подходы к понятию предмета преступного посягательства. Отмечается несостоятельность криминалистического разделения объекта преступного посягательства и предмета преступного посягательства. На основе анализа эмпирических данных автор характеризует предмет преступного посягательства наиболее распространенных пенитенциарных преступлений: мошенничество, дача взятки, незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ, дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, причинение вреда здоровью и др. Формулируются выводы о типичных предметах преступных посягательств при расследовании пенитенциарных преступлений, а также о типичных жертвах подобных преступлений.

Ключевые слова: пенитенциарные преступления, осужденный, исправительное учреждение, предмет преступного посягательства

Для цитирования: Акчурин А. В. О предмете преступного посягательства и его особенностях при расследовании пенитенциарных преступлений // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 100–108.

Original article

**ON THE SUBJECT OF CRIMINAL ENCROACHMENT AND ITS FEATURES
IN THE INVESTIGATION OF PENITENTIARY CRIMES**

Alexander V. Akchurin
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, 79206310258@yandex.ru

Abstract. The article attempts to analyze modern scientific approaches to the concept of the subject of criminal encroachment. The inconsistency of the forensic separation of the object of criminal encroachment and the subject of criminal encroachment is noted. On the basis of the analysis of empirical data, the author characterizes the subject of criminal encroachment of frequent penitentiary crimes: fraud, bribery, illegal trafficking of narcotic drugs or psychotropic substances, disorganization of the activities of institutions providing isolation from society, causing harm to health etc. The author makes conclusions are formulated about the typical subjects of criminal encroachments in the investigation of penitentiary crimes, as well as about the typical victims of such crimes.

Keywords: penitentiary crimes, convicted person, correctional institution, subject of criminal encroachment

For citation: Akchurin A. V. on the subject of criminal encroachment and its features in the investigation of penitentiary crimes // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 100–108.

В юридической науке понятие «предмет преступления» является довольно рас-

пространенной категорией. В уголовном праве предмет преступления традиционно

представляется как факультативная составляющая объекта преступления. Последний с позиции уголовно-правовой науки, как правило, рассматривается в виде общественных отношений, на которые посягает противоправное деяние [1, с. 129–130; 2, с. 29–106; 3].

Исследуя пенитенциарные преступления В. С. Ишигеев отмечает, что уголовно-правовые нормы, предусматривающие уголовную ответственность специальных субъектов, в качестве которых выступают осужденные, содержатся только в трех статьях Уголовного кодекса Российской Федерации: ст. 313. Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи; ст. 314. Уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера; ст. 321. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. При этом согласно уголовно-правовому закону первые два состава посягают на общественные отношения в сфере правосудия, а последний – на общественные отношения в сфере управления [4, с. 91–96]. Однако данный автор под пенитенциарными преступлениями понимает более обширную группу преступлений, которых объединяет общий родовый объект посягательства – общественные отношения, регулирующие нормальную деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы, исполняющих уголовные наказания по приговору суда. [4, с. 102].

Не вдаваясь в дискуссию по поводу самого понятия «пенитенциарные преступления» и его содержательного наполнения, полагаем позицию В. С. Ишигеева относительно родового объекта пенитенциарных преступлений вполне логичной и жизнеспособной. Анализ практики функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы показал, что любое преступление, совершаемое осужденными, (подозреваемыми, обвиняемыми), содержащимися в исправительных учреждениях (следственных изоляторах), влечет неотложный комплекс чрезвычайных действий администрации

учреждения, направленный на фиксацию подобного противоправного поведения, усиление изоляции нарушителя, оказание медицинской помощи пострадавшему (в т. ч. его отправку или транспортировку в медицинское учреждение), проведение дополнительных режимных, оперативно-розыскных мероприятий, направленных на пресечение или предупреждение иных противоправных действий со стороны других лиц из числа спецконтингента, зачастую одобряющих и готовых оказать всестороннюю поддержку зачинщику противоправного деяния. Подобную деятельность администрации нельзя назвать штатной, поскольку эту работу сложно прогнозировать и нормировать. Именно поэтому совершение преступления лицами из числа спецконтингента практически всегда рассматривается как чрезвычайное происшествие, которое прерывает нормальный ритм работы учреждения, вынуждает сотрудников администрации учреждения функционировать в усиленном режиме. Таким образом дезорганизуется обычная, нормальная работа исправительного учреждения (следственного изолятора). Если же подобной реакции со стороны администрации учреждения не следует, то возникает прямая угроза управляемости таким учреждением, обеспечению безопасности лицам, пребывающим на его территории. Почувствовав послабление, спецконтингент старается максимально использовать его в своих противоправных целях, нередко доводя конфликтную ситуацию до массовых беспорядков, охватывающих все исправительное учреждение (следственный изолятор), вовлекая в подобную ситуацию для продавливания своих интересов близких, родных осужденных, а также средства массовой информации, представителей интернет-сообществ, правозащитных организаций.

Таким образом, полагаем, что общественные отношения, регулирующие нормальную деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, вполне возможно рассматривать в качестве объекта преступного посягательства, объединяющего на родовом уровне преступления, совер-

шаемые осужденными (подозреваемыми, обвиняемыми), содержащимися в исправительных учреждениях и следственных изоляторах (пенитенциарные преступления).

Рассмотрение общественных отношений в качестве объекта преступления, являясь приемлемым в качестве уголовно-правовой категории, довольно редко применяется в криминалистической науке. Следует отметить, что в криминалистике объекту преступления не уделяется существенного внимания. По крайней мере, проведенный нами анализ научных публикаций последних 20 лет не выявил диссертационных или монографических работ по данной проблеме. Тем не менее в немногочисленных научных работах авторские позиции по данному вопросу существенно разнятся.

Так, С. А. Куемжиева, формируя соответствующую групповую криминалистическую методику расследования, предлагает рассматривать в качестве объекта преступного посягательства семью [5, с. 77–89]; А. Н. Халиков – порядок реализации полномочий и функций должностными лицами [6, с. 141–165]; С. Я. Посков – информацию [7, с. 45–48] и т. д.

А. М. Хлус в своих публикациях отстаивает позицию криминалистического анализа как предмета преступного посягательства, так и объекта, относя его к материальному элементу структуры преступления и обосновывая этим его отличие от аналогичного по наименованию уголовно-правового элемента состава преступления [8]. По мнению данного автора, «материализация» объекта в криминалистике вызвана необходимостью взаимосвязи последнего с системой следов, содержащих криминалистически значимую информацию о совершенном преступлении и его элементах. Выделяя объект и предмет преступного посягательства как самостоятельные криминалистические категории А. М. Хлус приводит их примеры, но не указывает на конкретные признаки, по которым возможно было бы разграничить данные понятия по существу [9].

Понятие объекта преступного посягательства в таком понимании приближается

к содержанию понятия предмета преступного посягательства. Подход фактического отождествления указанных понятий прослеживается у А. А. Бессонова, который в структуру криминалистической характеристики, наряду с обстановкой преступления, способом совершения и сокрытия преступления, типичными следами преступления и личностью преступника, включает объект (предмет) преступного посягательства [10, с. 229]. Подобная позиция фактически разделяет мнение Г. А. Густова, который в понятие объект преступления вкладывал содержание как самого объекта, так и предмета преступления в современной интерпретации большинства авторов [11].

На наш взгляд, прав В. П. Бахин, который разделяет объект преступного посягательства от предмета такого посягательства. При этом понятие объекта посягательства он заимствует из уголовного права, а под предметом посягательства по его мнению подразумевается предмет вещественного мира, на который покушался преступник [12, с. 21].

Анализ позиций различных авторов относительно формулирования криминалистического понятия объекта преступного посягательства позволяет судить о том, что подобные попытки оказались не в полной мере состоятельными. В результате содержательное наполнение понятия объекта преступного посягательства фактически либо овеществлялось и таким образом отождествлялось с предметом преступного посягательства, либо тяготело к другим элементам структуры криминалистической характеристики (обстановка места происшествия, место преступления и т. п.).

Именно поэтому следует отметить, что для криминалистических исследований характерно рассмотрение в структуре криминалистической характеристики именно предмета преступного посягательства, в качестве которого подразумеваются многообразные предметы материального мира: оружие, транспортные средства, наркотики, документы, животные и рыбы и т. п. В этой связи Д. А. Натура и М. М. Душенко отмеча-

ют, что в подобном понимании предмет всегда материален и, как правило, представляет собой конкретную вещь, имеющую определенную ценность (стоимостную, культурную, историческую и др.) [13, с. 154].

Обобщая мнения разных авторов подобного подхода следует отметить, что они понимают под такими предметами материальные объекты, которые несут на себе следы преступления, либо способны сами отобразиться в обстановке преступления. Так, М. В. Кардашевская под предметом преступного посягательства понимает объекты гражданского права, которые детерминируют способ действия преступника и сам вид преступления, являясь таким образом системообразующим элементом структуры криминалистической характеристики по отношению к другим ее элементам [14, с. 238]. По мнению Е. А. Малыхиной, подобные предметы имеют существенное криминалистическое значение для «определения личности преступника, мотивов совершения деяния, а также иных обстоятельств, которые находятся в неразрывной связи между собой» [15, с. 384–385]. А. А. Бессонов, соглашаясь с этим, идет дальше в своих убеждениях, отмечая, что «предмет преступного посягательства и личность потерпевшего по своей сути являются одним и тем же элементом, содержание которого зависит от вида преступления» [16, с. 110]. Таким образом, в понимании данного автора жертва преступления при всей условности подобного подхода может рассматриваться как составная часть широкого понятия «предмет преступного посягательства».

Овеществленный характер предмета преступного посягательства объясним потребностью криминалистической деятельности. «Материализованный» предмет проще воспринимать, его можно осмотреть, обыскать, исследовать и т. д. Безусловно, проще отследить корреляционные связи таких предметов с другими элементами криминалистической характеристики преступления.

Характеризуя предмет преступного посягательства применительно к пенитенциарным преступлениям, мы склонны согласиться с Н. Г. Шурухновым, который отмечает, что закрытый характер исправительных учреждений (следственных изоляторов) их режимность, детерминируют предмет преступного посягательства [17, с. 78–79]. Он заметил, что специфика условий отбывания наказания (содержания под стражей), действие неофициальных норм поведения, наличие стратификации влияют на низкий уровень преступлений против собственности.

Действительно, такие преступления как кража среди пенитенциарных преступлений встретить довольно сложно¹. Связано это с крайне отрицательной оценкой таких действий, совершаемых пенитенциарными преступниками в отношении других осужденных (подозреваемых, обвиняемых). Подобные случаи в их среде именуется «крысятничеством» и довольно жестко наказываются. Так, осужденный К. войдя в комнату для хранения продуктов, чтобы взять там принадлежащие ему продукты, увидел, как осужденный В. доставал из его ящика продукты и прятал у себя под курткой. В результате внезапно возникшей на этой почве конфликтной ситуации, руководствуясь обычаями тюремной субкультуры, осужденный К. нанес проклеименным ножом для резки продуктов (ранее выданным в установленном порядке) колото-резаную рану в область живота осужденному В., от которой тот скончался (уголовное дело 2014467672 возбуждено 11 июля 2014 г. Следственным отделом СУ СК России по Железнодорожному р-ну г. Ростова-на-Дону).

Вместе с тем следует отметить, что с момента утверждения Н. Г. Шурухнова прошло довольно много времени, изменились социально-экономические условия, появились новые средства и способы совершения противоправных деяний, где предметом преступного посягательства выступают ма-

¹ Эмпирической базой исследования послужили результаты изучения 583 архивных уголовных дел о пенитенциарных преступлениях, расследованных в 2009–2020 гг.

териальные ценности. В настоящее время осужденными (подозреваемыми, обвиняемыми) довольно активно совершаются мошеннические действия, дача взятки.

В качестве предмета взятки, как справедливо отмечает А. М. Хлус, преимущественно выступают деньги [18]. Однако, принимая во внимание режимный запрет на открытое обращение денежных средств и драгоценностей в местах лишения свободы наличные денежные средства, а также иные ценные вещи или ценности в среде осужденных (подозреваемых, обвиняемых) находятся под запретом. В этой связи денежные средства как предмет преступного посягательства в абсолютном большинстве случаев рассматриваются в качестве электронных денег (электронные счета, банковские карты и т. п.).

Примечательно, что суммы денежных средств, которые могут стать предметом преступного посягательства зависят от многих обстоятельств, в т. ч. от качеств личности пенитенциарных преступников. Так, рассматривая образовательный уровень² мошенников, нельзя не упомянуть закономерность, которая была выявлена нами. Лица, обладающие средним образованием, зачастую совершали хищение денежных средств в размерах от нескольких сотен рублей до нескольких десятков тысяч рублей. В то же время низкий образовательный уровень не способствовал успешному совершению таких преступлений. Примером может служить осужденный С., который, имея начальное образование, не смог довести до конца по независящим от него причинам свой преступный умысел на хищение денежных средств путем мобильного мошенничества. Потерпевшая К. отказалась в полном объеме выполнять требования С. о переводе указанных им сумм денежных средств на счет мобильного телефона (уголовное дело № 13040374 возбуждено 22 июля 2013 г.

ОП № 2 (по обслуживанию Исакогорского и Цигломенского округов) УМВД России по г. Архангельску). Вместе с тем наличие высшего образования не только свидетельствует об уровне образованности, но и создает для такого лица предпосылки к новому уровню социального общения, расширяет кругозор, а в преступной деятельности позволяет совершать более изощренные преступления. Подтверждением чему служит следующий случай, который был нами изучен в ходе проводимого исследования. Осужденный Л., отбывая наказание в исправительной колонии, имея высшее образование, под предлогом поставки юридическому лицу значительных объемов нефти путем обмана его руководителя и менеджеров посредством телефонных переговоров с использованием средств мобильной связи похитил денежные средства в особо крупном размере на сумму 14 123 700 рублей (уголовное дело № 1-200/2012. Архив Ленинского районного суда Оренбургской области).

Из проанализированных материалов следственной практики выявлено, что в качестве предмета взятки в 97 % случаев выступали денежные средства. При этом следует отметить, что за пронос на режимную территорию запрещенных предметов в виде мобильного телефона сумма взятки составляла от 500 до 6000 руб. Если незаконные действия сотрудников уголовно-исполнительной системы предполагали пронос сразу нескольких средств мобильной связи, зарядных устройств, сим-карт, карт памяти, аккумуляторных батарей и т. п., то сумма взятки варьировалась от 4000 до 29000 руб. За пронос наркотических средств, психотропных и спиртосодержащих веществ сотрудникам исправительных учреждений (следственных изоляторов) предлагалось от 500 до 30000 руб. Самые крупные суммы взятки были направлены на мотивацию должностных лиц учреждений, обеспечивающих изоляцию от

² Характеризуется тем, что абсолютное большинство пенитенциарных преступников имеют среднее образование: 23,1 % – неполное среднее, 42,3 % – среднее полное общее, 28,1 % – среднее специальное. Высшим образованием обладали только 2,4 % осужденных. Начальное образование было у 4,1 % осужденных.

общества, в целях осуществления ими незаконных действий, способствующих возникновению у осужденного оснований для освобождения от отбывания наказания (от 50000 до 100000 руб.).

Примечательно, что в случае совершения осужденным (подозреваемым, обвиняемым) преступления в группе, где исполнитель – обыкновенное гражданское лицо, находящееся на свободе, предмет преступного посягательства чаще всего представлял наличные деньги. Если же пенитенциарное преступление совершается единолично, то в ход идут современные средства электронного платежа. Проблема в том, что пенитенциарные преступники в этих ситуациях пытаются скрыть возможные следы получения денежных средств.

Анализ предмета преступного посягательства по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, позволил выявить две фактически равные группы наркотиков: с одной стороны, это наркотики растительного происхождения (50,2 %), все из которых нами были отнесены к каннабиодной группе (конопля, марихуана, гашиш, гашишное масло и т. п.); с другой стороны, это полусинтетические (23,7 %) и синтетические наркотики (26,1 %), которые в последние годы стали все чаще изыматься в местах лишения свободы (героин, метилэфедрон, диацилморфин, метадон, амфетамины и т. п.).

Среди пенитенциарных преступлений довольно много преступлений насильственного характера. В этой связи согласимся с Н. Г. Шуруховым, который замечает, что в исправительных учреждениях (следственных изоляторах) в значительной степени в качестве предмета преступного посягательства выступают жизнь и здоровье. Анализ следственно-судебной практики показал, что типичными потерпевшими от насилия становятся либо представители администрации мест лишения свободы, либо сами осужденные.

Согласно ранее проведенным исследованиям по фактам нападения осужденных на сотрудников уголовно-исполнительной системы [19; 20] отмечается, что около 42 %

подобных преступлений были спровоцированы самими сотрудниками. Учитывая данные результаты, очевидно, что агрессия со стороны осужденных в адрес сотрудников учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, не может быть всегда безосновательной.

В результате нашего исследования нами были получены данные, свидетельствующие о том, что около 25,3 % потерпевших сотрудников исправительных учреждений (следственных изоляторов) имели возраст до 25 лет, стаж службы в уголовно-исполнительной системе менее 2 лет и ранее не обучались в ведомственных вузах ФСИН России. Данные результаты, на наш взгляд, свидетельствуют об отсутствии элементарного жизненного опыта, осведомленности о специфике функционирования учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, и особенностях общения с осужденными. Слабо разбираясь в правовых основах уголовно-исполнительного законодательства, идя на поводу у лиц из числа спецконтингента, провоцирующих конфликтные ситуации, молодые сотрудники ФСИН России не всегда способны выйти из подобных сложных ситуаций, становясь заложниками возникшего конфликта. В практике, к сожалению, нередки случаи причинения насилия сотрудникам исправительных учреждений (следственных изоляторов) в результате грубого нарушения ими требований действующего законодательства, приказов, должностной инструкции, а также обычных норм морали и этики, нетактичного поведения по отношению к осужденным.

Среди потерпевших из числа осужденных следует отметить преобладание лиц самых презираемых неформальных групп, а именно: работающих на администрацию учреждения, а также так называемых «опущенных» и «отверженных».

Почти третья часть потерпевших из числа категорий «блатные» и «мужики» сама создавала криминальную ситуацию или провоцировала преступление. Длительные затяжные конфликты, придирки, домогательства со стороны потерпевшего приводили к решимости дать отпор своему обидчику.

Мошенничества с использованием средств мобильной связи осужденные (подозреваемые, обвиняемые), знающие традиции и обычаи тюремной субкультуры, стараются совершать в отношении ранее незнакомых им лиц, т. к. уверены, что от таких лиц не исходит потенциальной угрозы их жизни и здоровью за совершение мошеннических действий. Доля таких потерпевших составляет более 80,4 %.

Анализ практики показал, что в 72,5 % случаев в качестве потерпевших выступают лица, не проживающие в регионах Российской Федерации, в которых осужденные отбывают уголовное наказание в виде лишения свободы. Исходя из этого, можем предположить, что пенитенциарные преступники, осознавая неотвратимость наказания за совершение противоправных деяний, а также обладая определенной осведомленностью о практике деятельности органов предварительного расследования, рассчитывают на сложности, которые могут возникнуть из-за территориальной удаленности потерпевших либо сотрудников правоохранительных органов.

Подводя итог вышесказанному, отметим следующее:

На выбор предмета пенитенциарного преступления влияют неформальные нормы поведения осужденных (подозреваемых, обвиняемых).

Типичными предметами преступного посягательства пенитенциарных преступников являются: а) материальные ценности (деньги, ценные вещи, имущественные права и т. п.); б) наркотические средства и психотропные вещества.

Типичными жертвами пенитенциарных преступлений становятся сотрудники исправительных учреждений (следственных изоляторов), а также осужденные, подозреваемые, обвиняемые, сотрудничающие с администрацией мест лишения свободы.

4. В качестве факультативного объекта пенитенциарных преступлений следует рассматривать нормальную деятельность исправительных учреждений (следственных изоляторов), которая подвергается дезорганизации фактически всякий раз, когда осужденные (подозреваемые, обвиняемые) совершают новые преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовное право РСФСР: часть общая / А. А. Пионтковский. М.: Гос. изд-во, 1924. 235 с.
2. Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1960. 229 с.
3. Грунтов И. О. К вопросу о понимании объекта преступления в уголовном праве // Труд. Профсоюзы. Общество. 2017. № 2. С. 41–46.
4. Ишигеев В. С. Пенитенциарные преступления: характеристика, предупреждение, ответственность: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2004. 331 с.
5. Куемжиева С. А. Концептуальные основы групповой методики расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2020. 496 с.
6. Халиков А. Н. Теория и практика выявления и расследования должностных преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2011. 538 с.
7. Посков С. Я. Информация как предмет и объект преступного посягательства при расследовании разглашения сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного органа // Оперативник (сыщик). 2011. № 3. С. 45–48.
8. Хлус А. М. Криминалистический анализ объекта и предмета посягательства в структуре преступлений // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 1. № 1. С. 100–107.
9. Хлус А. М. Объект и предмет преступного посягательства в уголовном праве и криминалистике: понятие и соотношение // Библиотека уголовного права и криминологии. 2018. № 2. С. 123–132.
10. Бессонов А. А. Объект (предмет) преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики преступлений // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 228–233.

11. Густов Г. А. К определению криминалистического понятия преступления // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2000. № 2. С. 78–85.
12. Бахин В. П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестник криминалистики. М.: Спарк, 2000. Вып. 1. С. 16–22.
13. Натура Д. А., Душенко М. М. К вопросу о непосредственном предмете преступного посягательства как элементе криминалистической характеристики нарушения авторских и смежных прав // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 2. С. 151–154.
14. Кардашевская М. В. Предмет преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 236–238.
15. Малыхина Е. А. Предмет преступного посягательства как значимый элемент криминалистической характеристики хищений комплектующих деталей железнодорожного транспорта // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXII Международной научно-практической конференции. В 2 т. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2017. Т. 1. С. 384–388.
16. Бессонов А. А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Элиста, 2017. 456 с.
17. Шурухнов Н. Г. Расследование преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях: монография. М., 1992. 144 с.
18. Хлус А. М. Предмет взятки: отдельные определения // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 2. С. 55–67.
19. Латыпова Д. М. Вопросы квалификации насилия, совершенного в отношении сотрудников исправительного учреждения // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2012. № 1. С. 71–74.
20. Федоров В. В., Дергачев А. В., Пертли Л. Ф., Смоляниченко Д. М., Кузьмин С. И., Ибрагимов О. А., Шапоренко А. А., Горенкова Е. В. Профилактика совершения осужденными случаев применения насилия и оскорблений в отношении работников ИУ в связи с осуществлением ими служебной деятельности: аналитический обзор. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2016. 55 с.

REFERENCES

1. Criminal law of the RSFSR: general part / A. A. Piontkovsky. M.: State publishing house, 1924. 235 p. (In Russ.)
2. Nikiforov B. S. Object of crime under Soviet criminal law. M.: Gosyurizdat, 1960. 229 p. (In Russ.)
3. Gruntov I. O. To the question of understanding the object of crime in criminal law // Trud. Unions. Society. 2017. No. 2. P. 41–46. (In Russ.)
4. Ishigeev V. S. Penitentiary crimes: characteristics, warning, responsibility: dis. ... Dr. jurid. sciences. Irkutsk, 2004. 331 p. (In Russ.)
5. Kuemzhieva S. A. Conceptual bases of the group methodology for investigating crimes against the family and minors: dis. ... dr. jurid. sciences. Krasnodar, 2020. 496 p. (In Russ.)
6. Khalikov A. N. Theory and practice of identifying and investigating malfeasance: dis. ... dr. jurid. sciences. Ufa, 2011. 538 p. (In Russ.)
7. Poskov S. Ya. Information as a subject and object of criminal encroachment in the investigation of the disclosure of information about security measures applied to a law enforcement official // Operative (detective). 2011. No. 3. P. 45–48. (In Russ.)
8. Khlus A. M. Forensic analysis of the object and subject of encroachment in the structure of crimes // Legal Bulletin of Samara University. 2018. V. 1. No. 1. P. 100–107. (In Russ.)
9. Khlus A. M. Object and subject of criminal encroachment in criminal law and criminalistics: concept and correlation // Library of criminal law and criminology. 2018. No. 2. P. 123–132. (In Russ.)
10. Bessonov A. A. The object (subject) of criminal encroachment as an element of the forensic characterization of crimes // Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences. 2014. No. 4. P. 228–233. (In Russ.)
11. Gustov G. A. To the definition of the forensic concept of crime // Proceedings of the St. Petersburg Law Institute of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. St. Petersburg: Publishing House

of the St. Petersburg Law Institute of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2000. No. 2. P. 78–85. (In Russ.)

12. Bakhin V. P. Forensic characterization of crimes as an element of investigation // Bulletin of criminalistics. M.: Spark, 2000. Issue. 1. P. 16–22. (In Russ.)

13. Natura D. A., Dushenko M. M. On the question of the direct subject of criminal encroachment as an element of forensic characteristics of violation of copyright and related rights // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 2. P. 151–154. (In Russ.)

14. Kardashevskaya M. V. The subject of criminal encroachment as an element of the forensic characterization of crimes // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 7. P. 236–238. (In Russ.)

15. Malykhina E. A. The subject of criminal encroachment as a significant element of the forensic characterization of the theft of components of railway transport // Activity of law enforcement agencies in modern conditions: collection of materials of the XXII International scientific and practical conference. In 2 volumes. Irkutsk: FGKOU VO VSI MIA of Russia, 2017. T. 1. P. 384–388. (In Russ.)

16. Bessonov A. A. Private theory of forensic characteristics of crimes: dis. ... dr. jurid. sciences. Elista, 2017. 456 p. (In Russ.)

17. Shurukhnov N. G. Investigation of crimes committed by convicts in corrective labor institutions: monograph. M., 1992. 144 p. (In Russ.)

18. Khlus A. M. The subject of a bribe: separate definitions // Russian law: education, practice, science. 2019. No. 2. P. 55–67. (In Russ.)

19. Latypova D. M. Issues of qualification of violence committed against employees of a correctional institution // Bulletin of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2012. No. 1. P. 71–74. (In Russ.)

20. Fedorov V. V., Dergachev A. V., Pertli L. F., Smolyanichenko D. M., Kuzmin S. I., Ibragimov O. A., Shaporenko A. A., Gorenkova E. V. Prevention cases of violence and insults committed by convicts against employees of correctional institutions in connection with the performance of their official activities: an analytical review. M.: FKU NII FSIN of Russia, 2016. 55 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Акчурин А. В., кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

Akchurin A. V., Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.04.2022; одобрена после рецензирования 27.05.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 26.04.2022; approved after reviewing 27.05.2022; accepted for publication 25.11.2022.